

Йоахим Рингельнатц**(1883–1934)****Диплинжей нет дома**

Собрав шестидесятый вихревой мотор с ручным поршневым приводом, Зильбиг, дипл.-инж. стал Зильбиг, дипломированный инженер, и так разбогател, что смог приобрести в Куфштайне, недалеко от гостиницы Аурахер, небольшой домик, где, отойдя от дел, поселился вместе с женой. Оба решили, что, как прежде в Париже, обойдутся без прислуги. Обустройством дома тоже занимались по возможности без посторонней помощи, в результате жилище получилось не просто удобным. В одной из комнат нижнего этажа был разбит зимний сад с экзотическими растениями. Прекрасные пальмы, редких сортов агавы и гуавы росли в слое почвы, покрывавшей цементный пол, купидончики и диванчики меж увитых лианами растений располагали к отдыху. В помещении этажом выше, где пол также был зацементирован, устроили бассейн для двоих. Все остальное было сработано столь идеально красиво и удобно, что Зильбиги, или Диплинжи, как их прозвали в Куфштайне, уже через месяц вновь заскучали по Парижу. Поэтому они даже обрадовались, когда племянник Оберрайх из Копенгагена известил о своем приезде.

В Париже Ганс часто был нежелательным гостем, поскольку доставлял немало хлопот, а выбранной им профессией «импресарио», – смех, да и только – не занимался. Однако в этот раз Диплинжи прямо-таки обрадовались предстоящей суматохе; возможно, оба втайне предвкушали, какое впечатление произведет на племянника вилла.

Кстати, по приезде Оберрайх не показался Зильбигам таким уж неприятным, каким они его помнили. Наоборот: вел себя прилично, держался просто и непринужденно. Даже привез с собой забавный презент – малька золотой рыбки, которую он не без труда переправил из Дании в Тироль в

банке из-под варенья. И вообще гость громко и восторженно охал и ахал по поводу чудо-жилища.

Лишь после отъезда Оберрайха Диплинжи обнаружили, что он испоганил бассейн чем-то вроде приправы для супа. Они попытались забыть этого неприятного человека, что оказалось не так просто, ведь они полюбили золотую рыбку. Рыбка была по молодости неопытна и трогательно беспомощна. Она еще не приобрела ни красноватого, ни другого какого-то оттенка. Ничего удивительного в ней не было – по сути, просто небольшой вытянутый пузырь. Ее так и называли – «Пузырик». Для Пузырика был куплен аквариум, который установили на гипсовую подставку в зимнем саду. В качестве корма рыбка ежедневно получала сорок восемь муравьиных яиц.

Пузырик-Пузыриком, но через неделю наскучит любая рыбка. Диплинжи, каждый по отдельности, принялись размышлять, не стоит ли им совместно подумать над тем, насколько имеет смысл начинать строить планы относительно переезда на длительный срок в Париж.

Оба были согласны, однако имелось одно препятствие. Кто в их отсутствие будет кормить Пузырика и поливать растения? Чужие люди? – «Ну Нет! – Ни за что! Никогда!» Этот план был отвергнут. Следующие три дня Зильбиги не разговаривали. Как будто сердились друг на друга. Иной раз можно было слышать урчание в желудке или стук сердца. Или плескание Пузырика, но в остальном ...

Между тем, Зильбиг еще никогда не работал столь усердно, как в эти три дня. На четвертый день чудо-механизм, позволявший им с женой отправиться в Париж, был смонтирован и установлен.

На потолке зимнего сада Диплинжи оставили два медленно и непрерывно вращающихся колеса, одно из которых опрыскивало все помещение водяной пылью, при помощи другого в аквариум каждые полчаса подавалось муравьиное яйцо. Вода для распылителя была подведена от бассейна. Резервуаром для яиц служил большой подвешенный деревянный ящик.

В этот раз не Ганс Оберрайх выкинул фортель. Он сам стал жертвой надувательства в Копенгагене, где один торговец незаметно подсунул ему вместо золотой рыбки молоденького кита.

Диплинжам следовало изобрести дополнительное колесо, которое время от времени добавляло бы масла в первые два. Но поскольку его не было, в механизме начались сбои, постепенно приобретающие все больший размах. Распылитель отсоединился от водяного колеса. Второе колесо стало выдавать ежеминутно по двадцать яиц, некоторые из них попадали в аквариум.

Диплинжи по-прежнему были в отъезде. Растения в зимнем саду достигли потолка. Мерное плескание подросшей и упитанной золотой рыбки переросло в сильный шум.

Стало не видно земляного пола. Диванчики расшатались, купидончики – покосились. Как-то утром Пузырик застрял в аквариуме, и, будучи не в силах сдвинуться, испугался.

И тут до рыбки дошло, что она кит, и она вся надулась от важности. Стекло лопнуло, и – бултых! – кит поплыл меж диванов и вывороченных с корнем пальм. Гипсовых купидонов он разгрызал, словно это было печенье.

Подобное не могло долго оставаться незамеченным. По ночам до обитателей Аураха стало доноситься отвратительное громкое фырканье. На отсутствующих Зильбигов поступила жалоба, поскольку почтальона, открывшего крышечку почтового ящика на двери, окатило изнутри водой.

Даже хладнокровный местный полицейский, вскрывший замок на двери, на мгновение потерял самообладание, когда его смыло с крыльца мощным китовым фонтаном.

Пока полицейский и зеваки барахтались в низвергающихся потоках воды, а кит на рыночной площади лупил хвостовым плавником по брусчатке, местные власти телеграфировали во все иногородние газеты: «Продается живой кит!»

Тут же откликнулась берлинская фирма «Герман Титц».

В Куфштайне не было большого передвижного резервуара, поэтому кита обернули влажной тканью, и по дороге в Берлин искусственно кормили через клистир.

По прибытии на Анхальтский вокзал люди, сопровождавшие груз, повздорили с рабочими «Титца», поскольку те хотели, чтобы вместе с китом им отдали и ткань. Но этот трофей жители Куфштайна триумфально отвоевали.

Тем восьми берлинцам изрядно досталось, пока они тащили трепыхающееся, выскальзывающееся из рук животное по Кениггрэтцерштрассе и дальше.

Поэтому неудивительно, что при переходе через Темпельхофер Уфер ужасная тварь вырвалась и свалилась в канал.

Мы немного сократим путь, проделанный нашим героем от Шпрее до Эльбы через Ландвэр-канал и Хафель. Не будем задерживаться на описании испуганных купающихся и поврежденных барж. Не станем обращать внимание на проглоченные трупы в Ландвэр-канале и опустим подробности того, как кит преодолел шлюзы, расставленные рыболовные сети и Закон от о судоходстве по внутренним водным путям. Он добрался до северных морей, обзавелся многочисленными семьями, чтобы поведать им о своих замечательных приключениях в отсутствие Диплинжей. Однако никто не поверил его хвастовству, и он покинул сородичей.

И если он все еще жив, то по-прежнему обитает во льдах Гренландии, в одиночку бороздя ее водные прерии, грустно покачиваясь и задумчиво щуря глаза, словно пытаясь разглядеть проплывающие мимо диванчики и гипсовое крошево.